

мостью). Можно предположить, что метафизическая идентичность предполагает существование «чистой» идентичности, которая выражает в нем истинно-сущее.

Итак, в своей «внешней» идентичности, определяемой извне, человек испытывает на себе экспансию социума и культуры, а во «внутренней» (глубинно-личностной) идентичности он обладает возможностями выбора (по крайней мере, с точки зрения «философии жизни»). И только метафизическая идентичность направляется «свыше» (Абсолютом), а следовательно, не может быть познана до конца. Она определяется как трансперсональность, выражающая тождественность смысложизненно-го ядра человека с Абсолютом или сферой трансцендентного.

П.К. ГРЕЧКО

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕСУРСЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

***Аннотация:** Автор полагает, что идентичность удовлетворяет базовую потребность человека в принадлежности, причастности и привязанности. В общем плане личностная идентичность определяется как ментальное (ценности, нормы, идеалы) приобщение индивида к той или иной человеческой общности. Но это не «слипание» или механическое тождество. Совсем наоборот, личностная идентичность несет с собой самовыражение и самоутверждение индивида. Это род заботы о себе (термин М. Фуко), трансцендирование или конструктивистский выход сущего в сферу должного.*

***Abstract:** The author connects identity with fulfilling a basic human need for belonging and affection. Generally, personal identity is defined as a mental (values, norms, ideals) association of the individual with some human community. But it is not a kind of sameness or mechanical identity. Quite the opposite, personal identity*

Гречко Петр Кондратьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии Российского университета дружбы народов (Москва). E-mail: p.grechko@rudn.ru.

bring self-expression and self-confirmation. It is a constructive care of one's self (le souci de soi – M. Foucault), the transcending existential experience which makes the individual go out of what simply is and turn to what should be.

Ключевые слова: личность, идентичность, (социальное) конструирование, базовая потребность, человеческая общность, трансцендирование, естественное, искусственное, современность.

Keywords: *personality, identity, (social) construction, human needs, community, transcending, the natural, the artificial, contemporaneity.*

Идентичность, несомненно, многолика. И каждый лик ее по-своему состоятелен, имеет право на существование. Однако в наш междисциплинарный век все состоятельности и существования принято так или иначе уплотнять, сопрягать, пересекать – словом, коннотатировать и контекстуализировать друг другом. Никакой гарантии, что получится интересный и конкурентоспособный продукт, при этом нет. Междисциплинарность нередко оказывается чисто внешней многоаспектностью или систематичностью (не путать с системностью). Правильно и важно поэтому делать все для того, чтобы внешняя, или фактическая, многоаспектность превращалась в единую, но внутренне дифференцированную предметность. Сохраняя внутреннюю дифференциацию в междисциплинарной интеграции, мы явно повышаем культуру вопрошания, в частности, более требовательно, дотошно и ответственно, идентифицируем саму проблему идентификации. В ней сразу же намечаются, пусть только пунктиром, фундаментальные вопросы, как то: что толкает человека к идентификации? какая при этом цель преследуется или достигается? Остановимся на этих вопросах подробнее, тем более что они существенным образом влияют на перспективу нашего дальнейшего анализа.

Как известно, конечные причины всех исторических изменений коренятся в необходимости удовлетворения тех или иных потребностей людей. Идентичность здесь не исключение – она тоже связана с человеческими потребностями. Пользуясь терминологией А. Маслоу, можно сказать, что идентичность удовлетворяет одну из базовых потребностей человека – потребность в принадлежности, причастности и привязанности (*belongingness and affection*). Безошибочный индикатор неудовлетворенности данной потребности – чувство «утраты корней», отверженности, одиночества, заброшенности, ненужности. «Мы еще не привыкли к мысли, – пишет Маслоу, – что человеку крайне важно знать, что он живет на родине, у себя дома, рядом с близкими и понятными ему людьми, что его окружают “свои”, что он принадлежит определенному клану,

группе, коллективу, классу»¹. Удовлетворение потребности в общении-общности очень важно для полноценной человеческой жизни. Отсутствие или нехватка ресурса «принадлежности» так же болезненно сказывается на человеке, как и, скажем, недостаток витамина С. Значимо раскрывается в данной связи и дефисная связка «общение-общность»: успешное общение с необходимостью выявляет нечто общее, способное институциализироваться, если есть на то желание и воля, в общность, и наоборот, общность подтверждается и реально живет общением, непосредственным и опосредованным взаимодействием.

В историческом бытии человека и общества много неосознанного, спонтанного и стихийного. Нередко мы и в самом деле не ведаем, что творим, или покорно адаптируемся к окружающей среде, усваивая, не задумываясь, ее продукты. Особой разницы между природной и культурной средами в этом отношении нет. Экологические неурядицы человека начинаются — почти всегда — в его голове. Важны здесь, заметим, и возрастные различия. Не счесть убеждений и истин-ориентаций, которые мы, что называется, впитываем с молоком матери — *cum lacte nutricis suxisse*. Стихийной, естественным образом прививаемой может быть и идентификация, а также идентичность, поскольку от идентификации она отличается лишь как результат от процесса. В данном плане идентификация сближается, если не сливается, с социализацией. Разумеется, и социализация не односторонний процесс, и в ней индивид не только усваивающая, претерпевающая сторона. На выходе все равно получаются разные люди — да, превалируют «свои», «наши», но не обходится и без «несогласных», требующих иного или большего. Разобраться в этом нам поможет ранее высказанная мысль о внутренней дифференциации. Совершенно однородных, из одного куска стали вылитых, обществ не бывает. Кроме общества всегда есть еще и общности — внутри этого самого общества. Они-то и окружают человека, создавая ситуацию выбора — вплоть до различных образов жизни. По линии социализации человек оказывается общественным существом, по линии идентификации — существом «общностным». Социализация призвана включать человека в общество, его ценностно-нормативные порядки и институционально-ролевые практики, тогда как идентификация (идентичность) нацелена на приобщение индивида к той или иной человеческой общности, ее социально-коммуникативному миру.

Самое общее дескриптивное определение идентификации, судя по сказанному, мы уже дали. Постараемся теперь сформулировать ее поня-

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. С. 87.

тийное, или сущностное, определение. Его еще можно назвать прескриптивным, или нормативным, – не только, следовательно, констатирующим, выражающим, но и выстраивающим, предписывающим некую правильность. Задается эта последняя собственной жизнью понятия, состоящей в отборе сущностного и отбрасывании второстепенного, случайного и чисто феноменального, а также его, как элемента, включенности в общую систему бытия человека, проективного по определению. В сущностной идеализации, которую несет с собой понятие, есть что-то и от идеала – для конкретного предмета исследования и связанного с ним практического действия. Можно сказать, что в понятии пересекаются сразу два соответствия: образа – своему предмету и предмета – своему образу. Первое из названных соответствий существует под знаком сведения (явлений к сущности), второе – под знаком выведения (явлений из сущности). Выделяемые таким образом соответствия хорошо укладываются в различие между должным и сущим. А это значит, что любое понятие по-своему сопрягает должное и сущее. Верно это и для понятия идентичности – оно тоже не только фиксирует сущее, но и ориентирует на проективно-должное. Значимые оттенки в рассматриваемую взаимосвязь вносит также бартовское различие денотативного и коннотативного. Оказывается, денотативных сообщений в чистом виде не существует. Более того, денотация служит для «натурализации сообщения символического», для того чтобы «придать вид естественности семантическому механизму коннотации»². За коннотацией же как семантической ассоциацией стоит определенный культурный шифр, историческое и мифо-идеологическое кодирование сообщения. На современном, информационно-компьютерном языке коннотацию можно назвать гиперссылкой.

Итак, идентичность – это ментальное (ценности, нормы, идеалы) приобщение индивида к той или иной человеческой общности. Есть здесь, конечно, и внешняя атрибутика, порой вызывающе отличная, но ситуация в целом держится на ментальных узах, пусть на первый взгляд и не видимых. Опять же на первый взгляд данное приобщение выглядит как отождествление. Но это обманчивая видимость, вернее, не всегда такое отождествление подтверждается реальным положением дел. А иногда такого отождествления просто не должно быть. Идентификация оказывается сбиванием, слипанием в какую-то общность только в случае полной стихийности этого процесса. В нормальной же, разумом и волей насыщенной ситуации идентификация непременно несет с собой самовыражение, самоутверждение, манифестацию собственной значимости, подтвержде-

² Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008. С. 267.

ние некоего самостоянья — с опорой на внешние культурные формы, но это уже другой («инфраструктурный») вопрос. Самоутвердительно-личностный аспект (ядро?) фиксируется так или иначе во всех формах и видах идентификации — статусно-социальной, этнонациональной, конфессиональной, гражданско-культурной и т.д. Резонно ставить вопрос о своеобразном балансе отождествления (одинаковости, похожести) и самоутверждения (самости) в процессе идентификации. Балансе, разумеется, неравновесном, постоянно смещаемом, динамичном. Более того, в современную эпоху самоутверждение демонстрирует явную тенденцию к нарастанию и преваливанию. В качестве *background*-а выступает здесь тимотическая (греч. *thymos* — честолюбие) составляющая истории, то есть «борьба за признание», возрастание притязания на значимость, внимание к индивидуальному (индивиду) началу бытия. Очень точно и убедительно феномен тимоса раскрыл Фр. Фукуяма: «Люди считают, что они имеют определенную ценность, и когда с ними обращаются так, будто эта ценность меньше, чем они думают, они испытывают эмоцию, называемую гнев. Наоборот, когда человек не оправдывает представления о своей ценности, он испытывает стыд, а когда человека ценят согласно его самооценке, он испытывает гордость. Жажда признания и сопутствующие ей эмоции гнева, стыда и гордости — это важнейшие для политической жизни характеристики. Согласно Гегелю, именно они и движут исторический процесс»³.

Возвращаясь теперь к прескриптивно-нормативной определенности идентификации, идентичности, мы можем поставить вопрос о характере ее содержательной наполняемости. И здесь мы выходим на социальное конструирование. Идентичность социально конструируема. В данной связи мы не можем согласиться с теми авторами, которые жестко разводят конструируемые и неконструируемые, в частности примордиальные, идентичности. Мы подчеркиваем: речь идет именно о жестком разведении, ибо с мягким следует согласиться. В «примордиальном» случае идентичность понимается как некая фундаментальная и однозначно фиксируемая тождественность с расой, этносом, классом и пр., опирающаяся на общее происхождение, единую историческую судьбу, сходные антропологические характеристики или призраки. Соответственно, социально конструируемая идентичность мыслится в терминах значительной неоднозначности и гибкости, ситуативности, выборности, нарративности и т.п. «мягкости».

На наш взгляд, который и будет раскрыт ниже, конструирование в идентификации присутствует всегда — либо на положении одной из ее

³ Фукуяма Фр. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 16.

составляющих, либо, в особо продвинутых случаях, в качестве ее общей определенности. Важно в данной связи и еще одно обстоятельство: фундаментальность и примордиальность сегодня явно расходятся с духом времени, постмодерным если не по свершившемуся факту, то по тенденции, в перспективе. Но прежде чем перейти к дальнейшему изложению специфицируемой таким образом проблемы, имеет смысл раскрыть природу социального конструирования как такового, показать его основания и условия, обозначить требования, которым оно должно удовлетворять.

Реальность социального конструирования

Познавать значит различать — эта методологема (постмодернистская или какая-то другая — не суть важно) вполне подходит к предмету нашего теперь исследования — конструированию, социальному конструированию, если быть точным. Различать в нем (конструировании, конструктивизме) есть что — проблема это комплексная, многоаспектная. Но прежде чем различать, ее нужно все-таки поместить — в соответствующий контекст. Вернее, контексты, ибо их здесь тоже много. Самый широкий контекст у любой проблемы — мировоззренческо-методологический, он-то, в конечном счете, и задает горизонты ее решения.

В мировоззренческо-методологическом контексте проблемы конструирования можно выделить ряд узловых точек. Развитие, пожалуй, главная (и самая «удаленная») из них. Ясно, что речь идет не о каких-то абстрактно-общих социальных изменениях или об отстраненном объективном процессе, а о развитии как ценности, ценностной ориентации, о том, что по-английски звучит как *attitude*. Там, где бал правят традиционалистские или фундаменталистские ценности, несущие с собой жизненную инертность, бытийную покорность и предопределенность, конструктивизм не только не может существовать, но даже зародиться. Вообще говоря, без конструктивизма, конструктивности не обходится ни одна социальная система, даже самая примитивная или консервативная. И традиция когда-то начиналась с конструирования, с живого творчества масс, как любили говорить в недавнем прошлом. Это теперь она овеществленный, мертвый труд, нередко угнетающий, тормозящий труд живой (актуальное конструирование). Но для нас здесь важно зафиксировать другое: конструктивизм, в котором преобладают стихийность, неосознанность, спонтанность, покорное следование заведенному порядку вещей, не является сегодня уже нормативным. Развитие высвечивает перспективу антроподицеи, или оправдания человека. Насущность данной перспективы очевидна: само по себе существование человека не самодостаточно, более того, неопределенно и бессмысленно. Как убедительно

показал Н.А. Бердяев, «творчеством должно оправдывать жизнь»⁴, творчества же без конструирования, конструктивизма не бывает.

Субъектно-волевым выражением ценностного отношения к развитию является убеждение, что жизнь можно улучшить, пере-*делать*, пере-*создать*, изменить. Широко известен поэтический парафраз данного убеждения: человек — кузнец своего счастья. Разумеется, не все в нашей жизни зависит от нас самих. От этой констатации, однако, до «от меня ничего не зависит», «за нас всё уже решили» — дистанция огромного размера. И до крайней точки этого сползания в смиренную, вещеподобную логику бытия, когда уже действительно «нельзя», можно многое сделать. Словом, убеждение, что изменение всегда возможно, имеет под собой вполне разумное основание. Убеждение в отличие от просто знания легко перерастает в действие: действуют, потому что убеждены. Такая установка, кроме того, несет с собой оптимизм и активизм, что тоже немаловажно.

Оборотной стороной рассматриваемого убеждения является уверенность в собственных силах. Она опирается, правда, негативным образом, на обреченность человека быть свободным (Ж.П. Сартр). В отличие от животного, которого природа вооружила адаптивными механизмами на все случаи жизни, человек рождается с единственной возможностью-перспективой — стать тем, что и как он выбирает. Согласимся с традицией: свобода действительно является познанной необходимостью, но только — необходимостью быть свободным. Что-то вроде нравственного императива, уклонение от которого порождает муки совести, ведет к моральному страданию — у «нормального» человека, разумеется.

На пути побуждающего к действию убеждения и нравственно-свободной уверенности в себе стоит реификация — ситуация, когда социальный мир «перестает восприниматься как человеческое предприятие и за ним закрепляется качество нечеловеческой, дегуманизированной и инертной фактичности»⁵, когда траектория жизни (вообще-то вычерчиваемая личными усилиями человека) понимается, выступает для индивида в качестве неизбежной судьбы, рока, фатума. Реифицированной может оказаться и идентичность — тот случай, когда наблюдается полное отождествление индивида с традицией, с извне предписанными типизациями, функциями и ролями. Вливайся, как теперь говорят, и ни о чем не думай. Это даже не социализация, а сразу лояльность — оппортунистически-доброжелательное отношение к существующей, ок-

⁴ Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989. С. 339.

⁵ Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М., 1995. С. 147.

ружающей, усваиваемой культуре и ее институциональной инфраструктуре. Человек здесь – не субъект, не хозяин, а, как ни странно, жертва культуры. Хотя это и не норма – такого вообще-то не должно быть. Та же идентичность – в норме – есть «способ соединения человека с собственной самостью – “я”...»⁶.

Важное место в мировоззрении, поощряющем конструирование, конструктивизм, занимает вкус к иному или другому, идея множественной реальности, позитивное отношение к альтернативам, вариантам, версиям – словом, различиям. Когда-то, при социализме, эта мысль звучала очень пафосно: «В жизни всегда есть место подвигу». Подвигу не подвигу, но какому-то действию, пусть лишь шевелению – это точно. Множественность, альтернативность с онтологической точки зрения противостоит монистическому субстанциализму, превращающему развитие в линейно восходящий процесс или хождение по циклическим кругам бытия.

Теперь о собственно различиях. Наша проблема – не просто конструктивизм, а социальный конструктивизм. Любой конструктивизм, что очевидно, социален по своей природе. Но социальный конструктивизм требует большего, конкретно – интересубъективности, как того, что разделяется, по меньшей мере, двумя индивидами. Для интересубъективности социального толка нужен не просто продукт-конструкт, а его серийное производство. Что понятно: выставочный экземпляр «подкованной блохи» проблему блох не решает. Серийность несет с собой уверенность в стабильной воспроизводимости достигнутого, в результате социального конструирования, качества. Не признавать такое качество невозможно – оно предметно убеждает в своей состоятельности многих, если не всех. Иначе говоря, серийно выдержанное качество имплицитно – не каузально, конечно, а диспозиционно, через некую внутреннюю предрасположенность – его интересубъективное восприятие и принятие.

Конструктивизм – это творческие инвестиции в любую человеческую деятельность. Начиная с познания. Как писал когда-то ныне опальный классик, «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»⁷. «...Познание и изменение – различаемые, но неотделимые друг от друга процессы»⁸ – так обозначил эту взаимосвязь и американский социолог А.У. Гоулднер. Подобным образом мы творим, изменяем-меняем и в других областях. Для всего конструктивизма характерно единство эпистемологии и онтологии. Социальный конструкти-

⁶ Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1.

⁷ Ленин В.И. Философские тетради. ПСС. Т. 29. М., 1963. С. 194.

⁸ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 554.

визм в этом плане выделяется своим акцентом на онтологию: продуцирование не столько знания, сколько самой реальности. В самом деле, полноценный онтологический коррелят теоретических усилий появляется здесь не «до», а «после» – после того, как реализовались, воплотились в жизнь эти самые теоретические усилия. Разумеется, теоретические усилия-конструкты возникают, появляются не в безвоздушном пространстве. Но только воздух здесь очень разреженный, он состоит из одних возможностей, едва намечившихся тенденций развития. Основной строительный материал для социального конструирования черпается из «резервуара неопределенности» – из продуктивно-творческого воображения человека, успешно развиваемого и одновременно подтверждаемого его предметно-экспериментальными действиями. Исторически-преобразующая сила социального конструирования как нельзя более удачно выражается латуровской формулой «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир»⁹.

Отдельный случай – конструктивистское направление в советской живописи и архитектуре начала 20-х гг. прошлого столетия. Там было много «машинной эстетики», формализма, абстрактности и механистичности. Все это, конечно, интересно, но не для нашего исследования¹⁰.

От сказанного обоснованно перейти к следующему уточнению: конструктивизм был всегда, но социальный конструктивизм (социальное конструирование) по-настоящему «заработал» сравнительно недавно. Ф. Ницше как-то заметил, что новое обнаруживает свою суть не у истоков, а на переломе собственного развития. Такой перелом, применительно к конструктивизму, мы сегодня и наблюдаем. Ему способствовало сразу три обстоятельства.

Во-первых, историческое исчерпание стихийного потенциала развития. Стало понятно, что если в нынешней ситуации, ситуации современности, положиться на стихию, инерцию, рутину, то мы непременно упрямся в какую-то катастрофу, зайдем в тупик. «Пределы роста» обозначились на горизонте уже сегодня. Мы действительно подошли к черте, за которой, если не подключить в полной мере ресурсы разума (науки, знания), начинается энтропийный хаос и распад.

Во-вторых, наше время характеризуется исчезновением, утратой стабильной и надежной референции. И нет уже ничего удивительного в «плавающих означающих», в том, что ставится вопрос о возможных измене-

⁹ См.: Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. М., 2002. № 5-6 (35).

¹⁰ Всех интересующихся библиоэнциклопедической стороной вопроса отсылаем к: Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М., 2010. С. 279-298.

ниях в возможном будущем. Давно не видно твердых в своей сигнификативности (предметной однозначности) образов. На слуху «плавление твердых» (З. Бауман), замена структур потоками, забвение означаемого и автономизация означающих – словом, кризис репрезентации. А ведь еще недавно на стороне последней были и соответствие, и отражение, и практическое подтверждение. Вообще говоря, на кризис репрезентации можно реагировать по-разному. Достаточно вспомнить, с каким энтузиазмом мы занимались изошренно-схоластической интерпретацией работ классиков марксизма-ленинизма, с тем чтобы добиться-таки соответствия господствующей идеологии радикально изменившейся (неклассической) практике. Или обратиться к опыту традиционного Китая, по-своему, долго и упорно занимавшегося «исправлением имен», а не жизни, практики, реального положения вещей. Нет, сегодня нужно править, в терминологии настоящей работы – социально конструировать, не только образы, но и реальность, с ними коррелирующую. В случае социального конструирования (нюансируем уже высказанную выше мысль) репрезентация меняет свое референциальное направление: не от реальности (которой пока нет – одна проектная перспектива) к образу, а от образа к реальности (как реализации или объективации «образного» проекта). Следуя Гегелю, здесь нужно бы говорить о соответствии предмета своему понятию.

В-третьих, выросла, хотя и не так значительно, как хотелось бы, рефлексивная культура бытия. Наше *cogito* стало более «различительным», то есть придиричивым и чувствительным к аспектам, нюансам, деталям. И то, что раньше проходило незамеченным, не идентифицировалось, не различалось, сегодня вдруг становится самой настоящей злобой дня.

Продолжим наше различительное исследование. Конструктивизм можно выделить – как идеализацию – в любой теории, во всяком теоретизировании. Он здесь редукционный, даже редукционистский, сводящий феноменальное к эссенциальному (сущностному). В этом смысле, как мы уже отмечали, идеализация всегда имеет что-то от идеала. С идеализацией терминологически, и не только, перекликается идеально-типическое в смысле Макса Вебера. Впрочем, методология здесь более сложная. Это не просто идеализация, а гипотетический или утопический конструкт, получаемый «посредством *мысленного* усиления определенных элементов действительности», по-другому, «чисто идеальное *пограничное* понятие, с которым действительность *сопоставляется, сравнивается*, для того чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания»¹¹. Идеально-типическое конструирование

¹¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 389, 393.

играет роль своеобразного эйдетического (Идеи-Эйдосы Платона) сопровождения познавательных усилий человека. Оно расширяет горизонты, не дает успокоиться на достигнутом, призывает всегда «идти дальше».

Конструктивизм, конструирование нередко получает отрицательную оценку на том основании, что это, мол, что-то искусственное, а не естественное — для человека и общества. В действительности ситуация здесь иная: человек потому и состоялся как человек, что вышел («слез с дерева») из природы, оторвался от природной естественности. Впрочем, не вышел и не оторвался — продолжает выходить и отрывать, становясь все в большей мере искусственным (= искусным) существом. Выражаясь по-другому, — субъектом самоконструирования. Первая часть этого сложного слова — само... — указывает на то, что «точка сборки» человека находится внутри, а не вне его. Человеческое — «естественная искусственность» (Г. Плеснер). Понятно, откуда такое преклонение перед естественным. В довольно пестрой картине социальности самый «озвученный» цвет сегодня — экологический. Плотность разговоров и текстов на эту тему такова, что с полным основанием можно говорить об экстазе естественности. Как и в любом экстазе, здесь есть свое самозабвение. Его крайнюю форму следовало бы обозначить как экологический геноцид (экоцид): человек может и загнуться, лишь бы зеленело древо жизни. Но это заблуждение — думать, что мы нужны природе или что она нас любит. Ей вполне комфортно и без нас. Пожалуй, даже более комфортно — без нас. Для природы нет ни смерти (один круговорот вещества, энергии и информации), ни экзистенциально значимых различий (что человек, что камень — все едино). Она напоминает нам о себе не только чудесными ландшафтами, пленительными зорями, мечтательными закатами, но и ужасными стихийными бедствиями, болезненными климатическими колебаниями, различными инфекциями, эпидемиями и т.п. патологиями.

Социальное конструирование — как искусственное — по традиции действительно противостоит естественному. Но сегодня эта граница все более истончается, становится в прямом смысле неопределенной. Одно из последних свидетельств тому — создание американскими учеными первой живой синтетической клетки. Только вдумайтесь — синтетическая или искусственная и живая! Поистине сказка, которая становится былью.

Важно различать к тому же между естественным и человечески-естественным. По справедливому замечанию Ф. Энгельса, нормальным (читай: естественным) существованием, или состоянием, для человека «является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им*

самим»¹². Естественность человеческих установлений имеет тенденцию нарастать по мере их исторического обживания (хабитуализации, рутинизации) все новыми и новыми поколениями людей. Данную тенденцию на примере воображаемого общества прекрасно обрисовали Джил Фридман и Джин Комбс. То, что для поколения основателей было «Вот так мы решили это делать», то для их детей, то есть второго поколения, оно звучит «Вот так это делают наши старшие». Для третьего поколения основоположение предков будет уже выглядеть «Вот так это делается», ну а к четвертому — превратится в «Вот так существует мир; это — реальность»¹³.

Естественное привыкание к конструированию и его инновационным продуктам непосредственно связано с интерпретативной смыслозначенностью социальной реальности — как уже конституированной, так и той, которая только создается (конструируется). А в этом плане без коммуникации не обойтись. Смыслы конструируются в коммуникации, через ее коммуникативное взаимопонимание. Коммуникация важна и в общем процессе конструирования. Но в конструировании смыслов она выходит на первый план. Именно в коммуникации смысл обретает по-настоящему упругую объективность — не природно-физическую, конечно, а социальную, называемую по-другому интерсубъективностью. «Интер» здесь не просто сопрягает субъективности — две или более, а открывает пространство, пространство «между», для формирования чего-то третьего, а значит, и нового по сравнению с исходно взаимодействующими данностями. Коммуникация создает все условия для разделения смыслов, притом сразу в двух отношениях: и как реальности индивидуально выражимой, неповторимой, самобытной, и как реальности одинаково или солидарно воспринимаемой. Коммуникация, заметим, проверенный производитель доверия как основного ресурса социального капитала.

Переключив внимание с внешних (средовых) выделений-отличий на внутренние дифференциации и фрагментации, резонно заняться анализом соотношения процесса и результата конструирования. Предметная определенность у данного соотношения далеко не тривиальная. Конечно, в результате откладывается, материализуется процесс и к правильному результату ведет правильный процесс. Тем не менее расхождения между процессом и результатом возможны и нередко встречаются. При бюрократическом процессировании, например, когда все иницилируемые действия вроде бы своевременны и правильны, а результат ничтожный или

¹² *Энгельс Ф.* Дialeктика природы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 510.

¹³ См.: *Фридман Дж., Комбс Дж.* Конструирование иных реальностей: История и рассказы как терапия. М., 2001. С. 46.

никуда не годится. Или, скажем, когда весь пар, будучи ресурсом вполне реальным, уходит в никуда — в гудок. Особый случай — когда результат оказывается симулякром, то есть конструкцией, замкнутой на самое себя. Только в постмодернизме, в рамках третьего, по Ж. Бодрийяру, порядка симулякров или структурного закона ценности¹⁴, симулякр может быть рафинированным, совершенным и потому самоценным. Во всех других контекстах или случаях симулякр — подделка, извращение каких-то оригиналов, образцов, а значит, что-то ущербное, неполное, однозначно плохое. Если процесс конструирования разворачивается как жесткое, конфронтационное противостояние прошлого и настоящего будущему, то результат получается утопический. Он силен в одном — в аккумуляции недовольства сложившимся положением вещей, и совершенно бесполезен в другом — в предложении путей и средств реализации провозглашаемых изменений. Если же, напротив, процесс конструирования имеет целью сохранить и приукрасить устоявшиеся порядки, скрыть или прикрыть их неприглядные стороны, перевести общественное сознание на мобилизационные рельсы, то результат с неизбежностью окрасится в апологетические тона, получится идеологическим.

Конструирование в качестве реальности — это, разумеется, онтология, притом в ее не метафизической, а экзистенциальной (существование) определенности. Подтвердив таким образом характер или направление нашего анализа, задумаемся над тем, что позволяет конструкциям (конструктам) вступать в существование, то есть становиться вполне законной частью жизненно-практического мира человека. А не ломать по только желательным (желанным) схемам, перекраивать по надуманным лекалам сложившиеся порядки бытия, социального и индивидуального.

Конструирование есть движение от теории к социальной технологии. Здесь можно и нужно различать социальное конструирование и социальную инженерию. Социальная инженерия имеет дело в основном с адаптивными, прикладными подходами, нацеленными на «умеренное» изменение существующих социальных институтов, коммуникации и деятельности людей. Будучи, как пишет К. Поппер, поэлементарной технологией, она интересуется больше средствами, нежели целями, которые предполагают более масштабный взгляд на вещи, «не верит в перестройку общества *как целого*», проявляет максимум «осторожности и готовности к сюрпризам»¹⁵. Отсюда и различие в глубине или радикальности предлагаемых инноваций. Если социальная инженерия старается избоб-

¹⁴ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 113-118.

¹⁵ Поппер К.Р. Нищета историцизма. М., 1993. С. 75, 78, 81.

рести, создать и запустить в жизнь что-то принципиально новое, то социальное конструирование имеет целью изменить саму эту жизнь, его амбиции не знают пределов – вплоть до проектирования общества как такового. Вообще же связь инноваций с социальным конструктивизмом принципиальна, а по типу сопряжения – органична. Характерная примета времени: если раньше инновации базировались на вовлечении в социальный оборот каких-то материальных ресурсов или активов, то сегодня они растут из знаний, из информации, побуждающей к коммуникации. Инновации подстегивают динамику общественного развития, сами в свою очередь получая мощные импульсы (социальные заказы) от него. Меняются и сроки обновления основного капитала общества – его социальных институтов, они устаревают («моральный износ») теперь прежде чем успевают состариться («физический износ»).

Интересно в данной связи более внимательно присмотреться к фонетической смежности «конструкционного» и «конструктивного». «Конструктивный» – значит успешно развиваемый, положительный, полезный, плодотворный. Можно предположить, что чем дальше (и выше по исторически восходящей линии развития), тем больше будет возрастать плодотворность того, что создается, конструируется самим человеком. Этот вектор с определенностью просматривается не только в будущем, но и в настоящем, а также в прошлом, уже состоявшемся. Не приходится доказывать, что конструктивизма больше в индустриальную эпоху, чем в доиндустриальную или аграрную. Что касается постиндустриальной эпохи, которая в некоторых странах и есть настоящее, то ее историческое бытие всецело стоит на конструировании и инновациях. Не исключено, что в далеком-далеком будущем социальное конструирование доберется до самого разума – ему будет предложен не биологический, а потому и более надежный субстрат-носитель.

Вопрос – откуда берется здесь это новое? Из головы, творческого воображения, из «фонтана неопределенности», называемого свободой, что, безусловно, верно, и об этом мы уже говорили. Но, видимо, не только. В социальном конструировании задействованы также силы и ресурсы комбинаторики. Но комбинаторики особой – по-настоящему эмерджентной, эвристичной и оригинальной. Сочетать, соединять можно, конечно, и уже проявившиеся качества-свойства, но лучше – если рассчитываем на действительно инновационный продукт – вовлекать в данный процесс только-только проклюнувшиеся реалии, то есть диспозиции как некие предрасположенности или готовности исходного (человеческого) материала реагировать и вести себя определенным образом. Обратимся к нашему конкретному случаю – идентичности. В ней много статистиче-

ски-усредненного, лежащего, что называется, на поверхности, а значит, инерционного, исторически мемориального, физически и морально устаревшего. Но есть, может проявиться, если создать соответствующие условия, и то, что при социализме считалось диссидентством, а ныне — ростками нового, свободного и ответственного, образа жизни. При конструировании новой, адекватной времени и его вызовам идентичности разумно опираться именно на диспозиционные качества-свойства. Выделение и предпочтение диспозиций важно в свете нормативной определенности социального конструирования. Оно не должно умножать уже существующие сущности, а предлагать новые, приподнимая и сознательно направляя исторически сложившуюся ситуацию. Важно при этом не превращать нормативность в благородное упование, мечтательность и т.п. благолепие.

Чтобы проявиться, перейти из потенциального в актуальное состояние, диспозиции требуют соответствующих условий, адекватной социальной среды. А это значит, что конструирование с опорой на них должно быть взаимозависимым, системным, «полным». Нельзя выдергивать отдельные элементы, забывая о других, в том числе — из «защитных поясов» и поддерживающей инфраструктуры. Социальное конструирование поэтому должно быть контекстуально-реалистичным, притягивать к себе, вовлекать в свою орбиту все релевантные силы и ресурсы.

Тут, однако, возникает вопрос: как совместить нормативную определенность социального конструирования с инструментальной логикой, ему по определению присущей? Неинструментальной логики, видимо, не бывает. Ее инструментальность есть не что иное, как всесторонне прочитанная или расчетливая (цель — средства) рациональность. Но если последнюю сдобрить оптимальностью, с необходимостью предполагающей выбор, оценку, предпочтение, то появится и нормативность, правила задающая «нормальность». Иначе говоря, конструктивизм не то же самое, что и инструментализм, вовлекающий в свой оборот только однозначно фиксируемые предметы, свойства и отношения, только функционально успешные (направленные на поддержку целого) связи и зависимости. Впрочем, не чужда нормативности и сама по себе инструментальность. Все зависит от отношения субъекта или агента к ней. Если вы восхищены тем, как совершенно и слаженно работают все ее элементы, какой колоссальный выигрыш времени, сил и средств получается в конечном счете, то ясно, что это уже не чистая инструментальность. Можно вспомнить здесь и футуризм с его упоением техническим прогрессом: телеграф, оказывается, не только аппарат или система связи для передачи сообщений, но и художественная форма — «телеграфный стиль».

Нормативный аспект, как уже отмечалось, с определенностью выделяется, в любом понятии. При всем том главным источником нормативности в социальном конструировании выступает легитимация. Именно она переводит когнитивное «объяснение» всего конструирования, особенно его конечных результатов, в социальное признание, то есть в разделяемую многими (большинством) оправдательную интерпретацию с ее ярко выраженной регулятивной функцией. Разумеется, легитимацию нельзя сводить к одному такому переводу — объяснения в оправдание. Назначение у нее более широкое — обеспечивать, выделяя и отбирая, моральную поддержку (уверенность, санкцию) нашим мыслям и действиям. Мыслям — прежде всего. Связь мыслей, сознания в целом с моралью отнюдь не надуманна. Она подтверждается уже на уровне общей семантики. Так, в английском языке «сознание» (*consciousness*) и «совесть» (*conscience*) являются однокоренными словами, а во французском, в соответствующих контекстах, это вообще одно слово — *conscience*. Через легитимацию мы убеждаемся в том, что самыми глубокими основаниями в нашей жизни являются ценностные ориентации, смысловые единства, а не материальные, в частности экономические, факторы и силы. Иными словами, ничто так не укрепляет социальное конструирование, как ценностная поддержка, принимающая коммуникативную форму легитимности.

Социальное конструирование — это главным образом создание и поддержание социальных институтов. Данное положение, если в него по-настоящему вникнуть, легко обобщается до институционализации как сущностной определенности социального конструирования в целом. Институционализация является структурной материализацией идеально-проективных устремлений человека, группы, общества в целом, одной из форм «экстернализации субъективных значений». Для идеальной по своему существованию мысли она служит чем-то вроде тела, физических мускул бытия. Без нее все конструирование повисает в воздухе, застывает на уровне высокопарных слов, благородных порывов и благих пожеланий. Пропадает активная мотивация, или побуждающая к «материальным» действиям обязательность. Работают не правила, а, по русскому обычаю, понятия, не свобода, а вольница, если не произвол, не право, а закон — как государственное установление, чиновническое (и чиновное) волеизъявление.

На общем пути движения от возможности к действительности у социального конструктивизма появилось сегодня новое звено — виртуальное. Модальность у него совершенно особая: это уже не чистая возможность, но еще и не полная действительность. «Стремление к реальному»

сохраняется и в данном случае, но теперь оно не такое сильное, как у потенциально-возможного, поскольку виртуальное реально изначально. Проектно-образный строй социального конструирования – как виртуальное – получает мощную онтологическую поддержку со стороны современных информационно-коммуникационных технологий. «Оцифрованный» образ уплотняется, обретает вес, грузнеет, в нем открываются дополнительные возможности – для манипулирования и свободного комбинирования. В статусе таких образов велика роль action-составляющей. С ними по виртуальному пространству можно и нужно гулять. Сказанная граница между виртуальным и действительным не отменяется. Действительность, как объективная реальность, существует независимо от субъекта. Виртуальная же реальность непременно «активируется» субъектом и живет ровно столько, сколько продолжается этот процесс. Виртуальное, далее, не знает смерти – одна сборка-разборка, действительное же подвержено вполне реальному разрушению, энтропийному и антропогенному. Но, судя по всему, границы здесь будут становиться все более прозрачными и проницаемыми. Перспектива эта с определенностью просматривается уже сегодня. Приобретая, например, вполне «действительный» шампунь, мы оплачиваем заодно и такие виртуальные вещи, как хорошее настроение, уверенность в себе, привлекательность, коммуникабельность и т.п. Так что уже сейчас виртуальное и действительное многим обмениваются, а в перспективе речь пойдет, видимо, об их практической неразличимости.

Критериология социального конструирования носит комплексный, то есть сложный и внутренне дифференцированный, характер. Она не может быть сведена к истинностному соответствию, ибо реальность в данном случае не отражается, во всяком случае исходно, а создается, творится. Иначе говоря, от субъекта здесь зависит не только интенциональная «направленность на...», но и сам «предмет», этим многоточием подразумеваемый. Онтологическую упругость и социальную состоятельность сконструированного проверяют прежде всего на функциональную эффективность или производительность, по-другому – на жизненную адаптивность, на способность отвечать на вызовы времени и решать стоящие перед обществом (людьми) задачи. Учитываются при этом, конечно, и другие параметры-показатели. Если, например, речь идет о социальном институте, то очень важным индикатором его наущности и жизненной перспективности выступает соответствие сконструированного тем ценностям, которые были положены в его основу. Даже в ущерб общепризнанной эффективности. По верному замечанию Дж. Ролса, «институты, как бы они ни были эффективны и успешно

устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы»¹⁶.

Социальный конструктивизм, социальное конструирование суть онтологический континуум субъективно-проектных значений и объективных фактичностей. Живет этот континуум не исключением различий — значений и фактичностей, а, в случае попадания или удачи, их резонансно-взаимным усилением. Успешное социальное конструирование в решающей степени зависит от своевременности продуцируемой им реальности. Своевременности как пригнанности к *вот*-настоящему, как адекватности вызовам, угрозам и рискам данного, именно *этого* времени. Всегда разомкнутого на будущее — это тоже правильно.

Идентичность конструируемая...

Описав природу (социального) конструирования, можно перейти теперь к исследованию того, как проявляет себя эта «природа» в рамках личностной идентификации. Начнем с раскрытия личностной определенности данной идентификации. Личность в нашей литературе нередко сводят к совокупности социально значимых качеств или черт, то есть к индивидуальному, точнее даже, индивидуному выражению общества как социальной целостности. На наш взгляд, такое понимание личности является не просто односторонним, но неверным по существу. Личность никогда не «реплика» общества, не слепок с его системного бытия. И дело не только в социологизме, с очевидностью здесь просматриваемом, но в забвении или игнорировании методологических импликаций онтологического статуса специфики, *differentia specifica*. Иначе говоря, сущность единичного, или отдельного, на самом деле не в том, что его сближает и отождествляет с другими такими же «отдельностями», с общим, а в том, что выделяет, обособляет, противопоставляет — короче, специфицирует. Субстанциальность, или онтологическая значимость, находится на стороне специфики, а не сущности, сущность всегда специфична — это специфическая сущность. В случае личностной идентификации к тому же специфическая сущность наделена сознанием и свободой воли, что объясняет присутствие в идентичности индивидуально неповторимого, или экзистенциального, начала. Вообще-то начал здесь два — социальное и собственно индивидуальное. Так же как личность представляет собой экзистенциально (интимно и неповторимо) структурированную социальность, так и личностная идентификация — это уникальное, то есть состоятельное в своем отдельном бытии, выражение социального или общественного в индивидуальном.

¹⁶ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 19.

Хотя, если быть по-современному точным, речь здесь должна идти не о выражении, а о совпадении – в том смысле, который вложил в это слово, превратив его тем самым в методологический принцип, Э.О. Уилсон в книге с одноименным, по сути, названием: *Consilience: The Unity of Knowledge* (1998). В соответствии с этим принципом, существует (может возникать) взаимосвязь между очень разными, структурно весьма далекими друг от друга феноменами, как, например, малое и большое, поверхностное и глубинное, – взаимосвязь, приводящая к «неожиданным объяснениям». Сошлемся, с помощью А. Кончаловского, на совсем уж приземленный пример: «Там, где нет чистых общественных туалетов, нет и не может быть демократии». И неожиданное, не каждым улавливаемое, объяснение: «Потому что нет анонимной ответственности индивидуума перед обществом». Ясно, что в отсутствие анонимной, где-то даже интимной ответственности, не может развиваться и ответственность неанонимная – публичная, гражданская. Можно привести и более «чистый» пример рассматриваемого совпадения, скажем, феномен протестантизма. В его рамках профессия превратилась из добывания средств к существованию или банального зарабатывания денег в профессиональное призвание и, что еще более важно, в богоугодное дело. Религиозность вернулась (может, просто пришла) в повседневность и преобразила ее. В частности, стыд расширил свои пределы: он теперь проявляется не только в коммуникации с Другим, но и в отношении, тоже коммуникации с самим по себе Делом (разумеется, плохо сделанным). Интимное взаимоотношение с работой, занятием, деятельностью, с результатами или продуктами труда – вне перспективы предосудительности, создаваемой и поддерживаемой субъектным окружением. Стыд перед существом, у которого есть глаза, и стыд перед безглазым делом – согласитесь, это разные вещи. Конечно, протестантам помогал и помогает глаз Божий. Можно ли добиться подобного результата в светской или атеистической среде – это, конечно, большой вопрос. Думается, что все-таки можно. Но для этого нужно по-настоящему укоренить совесть («недреманное око общества») в морально идентифицирующее сознание человека.

Взаимосвязь совпадения хороша тем, что, не отменяя исторически устоявшиеся детерминационные зависимости, конституирует возможность как функционально-онтологическое начало инициативы, в том числе и инициативы по конструированию идентичности. Нет необходимости только выражать, подтверждать, закреплять, можно и нужно выражаться, преобразуя социальную среду, добавляя реальности миру как таковому. Как методологический принцип, совпадение по-своему справляется с тем «ничто» (в сплошном онтологическом «нечто»), которое со-

здается свободой индивида. Нет, оказывается, абсолютных разрывов, но есть прерывность, позволяющая сочетать вещи не отменяемые – такие, например, как цвет кожи, происхождение, то есть факт рождения в определенную этнокультурную, равно как и социальную, среду, – с индивидуально-действенным своеволием личности. Иными словами, нельзя отменить некую фактичность бытия, но можно смягчить, модифицировать, изменить ее социальную имплицативность. И не просто добавляя или надстраивая ее, а в буквальном смысле встраивая – в устоявшиеся отношения, зависимости, связи, их диспозиционность (естественную предрасположенность) к росту в систему, структуру.

«Плавающая реальность» современности, о которой говорилось уже выше, исторически значима не только своей негарантированной изменчивостью, но и активным продуцированием самых разных ориентиров-объектов идентификации. В принципе, с любым из них можно идентифицироваться. Но всегда ли при этом получится личностная идентичность? Ведь она, по определению, есть нечто очень фундаментальное и экзистенциальное. Личностную идентичность, на наш взгляд, нельзя путать с социальными ролями, служебными функциями, общественной активностью, социализацией, гражданской позицией и т.п. Личностная идентичность есть некое «основное качество» человека, оно структурирует все его жизненные проявления, в каждом из которых в свою очередь можно разглядеть ту или иную – не собственно личностную – идентификацию. Ясно, что такая идентичность более устойчива и надежна, чем другие идентификационные формирования личности, но константной и неизменной назвать ее нельзя. Она, несомненно, меняется: эволюционно – под давлением обстоятельств, исторически – благодаря конструирующим усилиям самого индивида. В ситуации кризиса, депрессии, другого какого-то неблагополучия между личностной идентичностью и другими, не столь глубоко сидящими идентификациями личности возможны, даже неизбежны противоречия и конфликты. Скажем так: в нормальных условиях работает принцип «не хлебом единым жив человек», но если хлеба этого хронически или катастрофически не хватает, то индивид становится идентификационно «единым» с его куском. Многое, конечно, зависит от самой личности, ее внутренней сопротивляемости и жизненной устойчивости, но и у них есть свои пределы и меры.

Важную роль в процессе конструирования идентичности играют примеры или образцы, которым можно и хочется следовать, подражать. Производятся они в основном «творческим меньшинством», элитой, или, если по-русски, интеллигенцией. Это неременная часть исторической миссии интеллигенции по просвещению и духовному подъему народа. Во-

прос ставится по Маяковскому — просто и доступно: делать жизнь — с кого? Если судить по социологическим замерам и в особенности по результатам интернет-голосования-2008 «Имя Россия», многие наши граждане продолжают делать жизнь «с товарища Дзержинского». А надо бы, ориентируясь на дух времени, с кого-то другого — с академика Сахарова, например. На месте и роли элиты (интеллигенции) в процессе формирования новой идентичности в нашем обществе — идентичности, достойной XXI в. — стоит остановиться подробнее. Какой она должна быть, эта элита, чтобы ответить на идентификационный вызов современности? К «человеку с улицы» нельзя предъявлять завышенные требования: его бытие может и не выходить за горизонт воли к жизни. Иное дело — представитель элиты, его бытие структурировано (должно быть пронизано) волей к смыслу. Собственно же властные его устремления непременно уравниваются интеллектуальным лидерством и духовным водительством. Таково нормативное понимание элиты. К сожалению, наша отечественная элита ему не отвечает, в основном она функциональная: близость к государственным структурам, участие в процессе принятия решений, ньюсмейкерство, статусные привилегии и т.п. Отгораживаясь от массы богатством и властью, руководствуясь принципом «people все схавает», она демонстрирует историческую близорукость и преобразовательную беспомощность — лишь бы прокричать, наследить, а не оставить след. Для формирования подлинной и действительно конкурентоспособной элиты, причем не только внутри родной страны, но теперь уже, в связи с глобализацией, и вовне — в сравнении с другими странами, нужно многое сделать, а кое-что и изменить. Нам, в частности, важно переориентировать поиск национального достояния с голубого топлива Газпрома на то топливо, которое может гореть в головах и сердцах творчески беспокойных людей. Когда-то, на заре перестройки, мы мечтали о первом непороте поколения. Худо-бедно, но мы его получили. Этого, увы, оказалось недостаточно, чтобы завести мотор исторического творчества в обществе. Теперь нам, судя по всему, нужно подготовить первое по-современному образованное поколение, из которого жизнь и начнет отбирать настоящую элиту. Элиту, которую не будет больше отягощать «несоответствие масштаба личностей масштабу задач» (Е.Т. Гайдар).

Ориентируясь на последовательность и полноту, нам нужно теперь ответить на вопрос: а что это такое — современное образование? В терминах компетентностного подхода ответ, надеемся, будет самым адекватным. И релевантным, поскольку компетенции суть не только масштабные «единицы» образования, но и достаточно определенные измерения, или деятельные проявления, личностной идентификации.

На первое место в ряду рассматриваемых таким образом компетенций можно с полным основанием поставить культуру вопрошания, то есть поиск, фиксацию и концептуализацию проблем. Проблемы есть не только то, что решается, но и то, чем понимается, — наличная информация, собранный материал, вообще исследуемая ситуация. Без четкого и ясного различения проблемы нельзя рассчитывать на ее успешное творческое разрешение. Проблемы требуют строгого и конкретного мышления. Когда же их нет или они не выявлены, наш «внутренний мир» наполняется воспоминаниями, ассоциациями, мечтательностью и т.п. формами ментально «расслабленной» активности. Вне предметного осознания «своих проблем» смутны также перспективы личностной идентификации. Иными словами, индивид, не способный идентифицировать реальные проблемы, имеет или будет иметь проблемы и со своей личностной идентификацией.

Рефлексивность как компетенция есть обращенность мысли на самое себя — к субъекту, на субъект, это одновременно самоотчетность, критичность и аналитичность. Рефлексивность показывает, что из образовательного процесса «человекоразмерность» не вычитаема, а равно и то, что ложка дегтя легко может испортить здесь бочку меда, что «дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». А что часто приходится наблюдать? Выдвинута интересная идея, обозначена плодотворная перспектива, но критической продуманности при этом нет, аналитическая огранка отсутствует, конкретизирующая нюансировка и не предполагается. Личностную идентичность в данной связи вполне можно квалифицировать как рефлексивную форму бытия.

Еще одна очень нужная нам компетентность — имажинативная (*imagination* — воображение). Из всех наших дефицитов, коих немало, главный или ключевой сегодня — дефицит воображения. Не маниловского и не обломовского — этого-то как раз в избытке, а того продуктивного, что не только светит, но и греет. Много не идет в нашу жизнь, не реализуется, не становится ее органической частью только потому, что мы даже представить себе не можем, что оно может-таки быть. Попробуйте, например, убедить рядового отечественного избирателя, что от него что-то зависит в «этой стране». «Практики воображения» в наше насыщенное постоянными изменениями время должны стать конститутивной чертой процесса образования, а равно и конструирования личностной идентичности. Без того или иного воображения конструирование идентичности невозможно в принципе.

С воображением, или имажинативностью, напрямую связана альтернативность — умение предложить противоположное или иное решение

данной проблемы. Умение это у нас тоже редкое, его нужно активно и целенаправленно формировать. Идеино-политическое единство прошлого и властная вертикаль настоящего к этому как-то не располагают. Мы живем сегодня в плюралистическом обществе, а в нем все жизненно важные истины должны выставляться на публичное обозрение (попадать в «публичную сферу») и доказывать свое право на существование в честной конкурентной борьбе. Истинная альтернативность учит не только свободе и творчеству, но и интеллектуальной, а также социальной ответственности. Обращение к альтернативности жизненно необходимо для нынешней, и не только отечественной, системы образования, которая, по очень точному наблюдению П. Бурдые, «лишает “обучаемых” понимания лишения, т.е. всего того, что она им не дает»¹⁷. Своей патерналистской авторитетностью она отсекает или блокирует всякие «расширения» за счет другого, иного, чужого. Как реализованная возможность, а значит, версия, вариант, любая состоявшаяся благодаря конструированию идентичность есть в то же время и альтернативность. Последняя, впрочем, может доходить здесь и до противоположности – существующим трендам или доминантам окружающей среды.

В ряду рассматриваемых нами компетентностей с определенностью различима также гибкость. Она особенно важна в наш непредсказуемый, насыщенный разными рисками и вызовами век. По Г. Бейтсону, гибкость представляет собой «не зарезервированный для какой-либо конкретной цели (*uncommitted*) потенциал к изменению»¹⁸. Ж.-Ф. Лиотар писал в данной связи о необходимости приобщения к «процедурам, способствующим увеличению способности сочленять поля, которые традиционная организация знаний ревностно изолировала друг от друга»¹⁹. Следуя уважаемым авторам и принимая во внимание специфику нашего исследования, мы бы определили «гибкостную» компетентность как формирование фундаментально-стратегического потенциала к изменению, как подготовку встречи с неожиданными, непредсказуемыми изменениями. Проще говоря, человека – «объекта» образовательной деятельности нужно готовить к тому, чего еще нет, но что может появиться. Ситуация осложнена тем обстоятельством, что будущее принципиально непредсказуемо, что занавес времени его от нас полностью скрывает. Гибкость нужна и при

¹⁷ Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М., 1996. С. 12.

¹⁸ Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. Изд. 3-е. М., 2010. С. 230.

¹⁹ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 126.

конструировании идентичности. Чтобы жить своим временем, но не сливаться с ним, чтобы приветствовать развитие и радоваться тем переменам, которое оно с собой несет. Это — прямая противоположность ситуации, схватываемой известной сентенцией «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен».

По-настоящему востребованной и действительно современной компетенцией является также коммуникативная рациональность. Времена, когда истина считалась чем-то сугубо «отражательным» и объективным, канули в Лету, кризис репрезентации сегодня — общепризнанное явление. Истину теперь приходится достраивать, «подправлять», выделяя в ней коммуникативную составляющую. Коммуникативно-рациональную компетенцию нужно целенаправленно прививать, органически сочетая рациональную аргументацию с императивом толерантности, с искусством диалога, с культурой общения и взаимопонимания. Не приходится доказывать, что в атмосфере коммуникативной рациональности личностная идентичность только и может состояться.

Продолжая сказанное, заметим, что компетентностный подход к образованию необходимо увязать с институциональным, иначе весь пар предпринимаемых усилий в очередной раз уйдет в гудок. Важнейшее направление институционализации образования — его «интерактивная» связь с возвышающей социальной мобильностью. Выражаясь по-другому, речь идет о превращении образования в главный ресурс жизненной карьеры человека. Пока же «социальный лифт» нашего общества использует энергию образования для подъема только на нижние этажи. С этажа достаточно высокого определяющей оказывается уже «социальная породистость»: связи, знакомства, наследуемый статус, «оппортунистическое поведение», угодливость, лояльность и т.п. Видимо, нет более справедливой социальной мобильности, чем через образование, которое выявляет и развивает таланты единственно правильным и достойным человека способом — поощряя работу над собой, своим профессиональным ростом, своей самореализацией, а значит, и самоидентификацией.

Ясно, что современность, которую бы хотелось видеть в нашей личностной идентичности, должна быть исторически последовательной. В развитых странах Запада и Востока эта последовательность уже пост-модерная (эпоха постмодерна), а следовательно, идущая дальше собственно модернизации, функционирующая фактически в рамках постмодернизации. Для нас же современная идентичность тождественна модернизированной (модернизирующейся) идентичности. Но кое-что в правой части этой тождественности (разум, прогресс, идеократия — называем наиболее рельефные вещи) уже не соответствует прежней историчес-

кой размерности. Сказываются все же глобально облучающие практики постмодерна. Целенаправленно влияя на формирование современной идентичности, элита не может по-прежнему полагаться на власть идей и идеалов, обильно сеять доброе и вечное – в твердой убежденности, что оно, конечно же, взойдет, прорастет и изменить жизнь к лучшему. Доверие к Идеям, или «большим рассказам» теперь уже не то – не поднимает с колен, не зажигает, не ведет на баррикады. Не стало былой прозрачности и у Разума, его истины сегодня нельзя передать (и преподать) чисто инструментально, с помощью одной логики или рациональной аргументации – нужно коммуникативно транслировать и подтверждающие их жизненные образцы. Над знанием, которое в наше время действительно просвещает, то есть разворачивает истину на свободу, нужно много работать. К тому же все очень быстро меняется. И тот, кто является элитой сегодня, может перестать быть таковым завтра. Инерция здесь смерти подобна.

Личностная идентичность есть род заботы о себе – не в рекламном, конечно, смысле, как «о себе, любимом», а как-то по-другому, с учетом иных оснований и целей. У заботы о себе много самых разных аспектов и граней, их целостное представление в современной литературе справедливо связано с именем М. Фуко²⁰. В нашем случае, что понятно, артикулируется всего один аспект – природа и форма заботы о себе, «практики себя» в процессе личностной идентификации индивида. Корень проблемы – это самое «о себе», «себя». Общая семантика местоимения «себя» привычно направляет нас во внутренний мир человека, где оно, местоимение это, «возвратным» образом и конституируется. Перед нами, как пишет Фуко, пример «“внутреннего анахоресиса” или “уединения в себе”»²¹. Не будем, однако, забывать, что личность как субъект идентификации открыта на социальность или мир социального, да и сам процесс идентификации – это всегда разомкнутость одного (идентификационного означающего) на другое (идентификационное означаемое). Реализуя свободу, совершая свой идентификационный выбор, индивид не только самовыражается, но и дает выразиться через себя Другим – в форме той коммуникативной ответственности, которую он возлагает на себя, на свое мышление и действие. Иначе говоря, идентификация (идентичность) является специфической формой коммуникативности, а значит, и присущей ей нормативности. В данной связи нам понятен П. Рикёр, видящий в «*верности своему слову... эмблематическую фигуру идентичности...*»²².

²⁰ См.: Фуко М. История сексуальности – III. Забота о себе. Киев-Москва, 1998.

²¹ Op. cit. P. 59.

²² Рикёр П. Я-сам как другой. М., 2008. С. 153.

Учитывая сказанное, можно, полагаем, настаивать на том, что забота о себе – это трансцендирующий процесс, выход сущего в сферу должного. В религиозных терминах данное движение выглядит как обращение человека к Богу, по образу и подобию которого он, человек, якобы и создан. В рамках же разделяемого нами светского гуманизма оправданно ставить вопрос о движении эмпирического индивида к своей родовой сущности или определенности – образу и подобию рода *Homo*. Короче говоря, идентификационная забота о себе есть не что иное, как стремление человека к Человеку. Как трансценденция Человек с большой буквы располагается не за горизонтом (и следовательно, в мире ином), а на горизонте человеческого бытия. Горизонт, по определению, обладает способностью расширяться и отступать, уходить все дальше по мере приближения к нему, но он все же различим, виден и потому может исторически специфицироваться, уточняться. Человек с большой буквы – это собственно человеческое в человеке, и специфицируется оно сегодня как права и свободы человека. Так что личностная идентификация в контексте современности являет нам процесс сознательной интериоризации, или конструирования как «овнутрения», данных прав и свобод. В плане собственно субъектном – это понимание и чувство комплементарности, внутреннего родства с теми, кто отстаивает режим прав (и свобод) человека как естественный или органичный для всех сфер нашего со-бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.
2. Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. Изд. 3-е. М., 2010.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
6. Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М., 1996.
7. Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003
8. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
11. Понтер К.Р. Ницета историцизма. М., 1993.
12. Рикёр П. Я-сам как другой. М., 2008.
13. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
14. Фридман Дж., Комбс Дж. Конструирование иных реальностей: История и рассказы как терапия. М., 2001.
15. Фуко М. История сексуальности – III. Забота о себе. Киев-Москва, 1998.
16. Фукуяма Фр. Конец истории и последний человек. М., 2004.